

ЧАСТЬ 1

Глава 1 БРЕТТОН

Моя крестная мать жила в красивом доме в уютном старинном городке Бреттоне. Несколько поколений семьи ее мужа жили в этом городе и даже звались по месту своего рождения — Бреттоны из Бреттона — в результате ли совпадения, или оттого, что некий далекий предок был лицом достаточно значительным, чтобы оставить свое имя месту, где он жил, — я не знаю.

Девочкой я ездила в Бреттон раза по два ежегодно и очень любила эти поездки. Я была безгранично привязана к дому и его обитателям. Все в нем радовало меня: просторные, располагающие к покою комнаты, со вкусом расставленная мебель, широкие, чистые окна, балкон с видом на очаровательную, старинную улочку, где, казалось, неизменно царили воскресенья и праздники — так безмятежна была ее атмосфера, так безупречно чиста мостовая.

Когда в доме среди взрослых людей оказывается один ребенок, ему обычно уделяют очень много внимания, вот и меня, в неизменно спокойной манере, окружала заботой миссис Бреттон, оставшаяся задолго до того, как я узнала ее, вдовой с единственным сыном. Ее муж, доктор, умер, когда она была совсем молодой и еще красивой женщиной.

Я знала ее уже немолодой, но все еще привлекательной, высокой, хорошо сложенной; правда, кожа ее была смугловата для англичанки, но лицо привлекало здоровой чистотой, свежестью и живым блеском черных глаз.

Окружающие считали достойным глубокого сожаления, что сын не унаследовал ее цвета лица, глаз и волос: у него были голубые, хотя — даже в детстве — пронзительные глаза, а цвет его длинных волос трудно было определить, разве что на них падал солнечный свет, и тогда их называли золотистыми. Однако он унаследовал материнские черты лица, а также ее прекрасные зубы, осанку (или обещание этой осанки, поскольку он к тому времени еще не перестал расти) и, что всего лучше, ее отличное здоровье и характер такого склада и уравновешенности, которые для своего обладателя дороже целого состояния.

Осенью **** года я гостила в Бреттоне: моя крестная сама приехала за мной к родственникам, в семье которых я в то время постоянно жила. Полагаю, она ясно видела приближение событий, тень которых я едва угадывала, но даже смутного подозрения о которых было достаточно, чтобы вызывать неясную печаль и заставить меня обрадоваться перемене места и общества.

Время всегда покойно текло для меня рядом с моей крестной — не бурно и стремительно, а плавно, как скользит полноводная река по равнине. Моя поездка к ней походила на пребывание Христианина и Уповающего у некоего отрадного ручья, где «зелены по берегам деревья, и лилии весь год поляны украшают»¹. В этих посещениях не было очарования разнообразия, но я так любила этот безмятежный покой и так мало стремилась к непривычным впечатлениям, что, когда они возникли, я восприняла их едва ли не с тревогой и скорее предпочла бы оставаться от них в стороне.

Как-то раз пришло письмо, содержание которого явно удивило и несколько озаботило миссис Бреттон. По-

¹ Христианин и Уповающий — герои произведения писателя и проповедника Джона Беньяна «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» (*The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come*, буквально «Переход Пилигрима из этого мира в мир грядущий») — прекрасный образец английской духовной литературы XVII века.

началу я думала, что оно из моего дома, и с тревогой ожидала сообщения о неведомой беде. Однако обо мне упомянуто не было, и туча, казалось, прошла стороной.

На другой день, возвратившись с долгой прогулки и войдя к себе в спальню, я обнаружила там неожиданную перестановку. Помимо моей широкой «французской» кровати в затененной нише, в углу появилась маленькая кроватка под белым пологом, а в дополнение к моему комоду красного дерева я увидела низенький шкафчик розового дерева.

— Почему и зачем здесь это? — спросила я.

Ответ был прост:

— Приезжает еще одна девочка. Миссис Бреттон ждет гостей.

Когда я спустилась к обеду, все разъяснилось. Я узнала, что мне составит компанию маленькая девочка, дочь друга и дальнего родственника доктора Бреттона. Еще мне было сказано, что эта малышка недавно лишилась матери, хотя, по правде сказать, добавила следом миссис Бреттон, утрата не так велика, как может поначалу показаться. Миссис Хоум (кажется, так ее звали) была очень хорошенькой, но легкомысленной и пустой женщиной, которая не уделяла внимания своему ребенку и принесла разочарование и страдания мужу. Они были настолько несхожи между собой и далеки друг от друга, что союз их оказался непрочен, и они наконец расстались — по взаимному согласию и без судебного процесса. Вскоре после этого дама, чрезмерно разгоряченная на очередном балу, простудилась, у нее началась лихорадка, и в очень короткий срок она скончалась. Ее муж, человек от природы наделенный душевной тонкостью, безмерно потрясенный столь внезапно наступившим его известием, по-видимому, не в силах был избавиться от мысли, будто чрезмерная суровость, проявленная с его стороны, недостаток терпимости и снисходительности ускорили ее кончину. Он так упорно возвращался к этой мысли, что это серьезно сказалось на его состоянии. Врачи настойчиво ре-

комендовали ему путешествие как целительное средство, а миссис Бреттон выразила готовность взять на себя заботу о его девочке.

— И я надеюсь, — добавила моя крестная, — что малышка не окажется похожей на свою матушку. Ведь мистер Хоум, — сказала она, — право же, по-своему человек благоразумный, хотя и не очень практичный: он влюблен в науку и половину жизни проводит в лаборатории, ставя свои опыты, чего его мотылек-женушка неспособна была ни понять, ни вытерпеть. Хотя, сказать по правде, — призналась крестная, — мне бы и самой это не нравилось.

Отвечая на мои вопросы, она далее поведала, что ее покойный муж не раз говорил, будто мистер Хоум унаследовал свои научные склонности от дядюшки с материнской стороны, французского ученого, поскольку происходит он из смешанного франко-шотландского рода и поддерживает связи с людьми, живущими сейчас во Франции, среди которых многие ставят частицу «де» перед своим именем и называют себя дворянами.

В тот же вечер, в девять часов, слуга был послан встретить почтовую карету, с которой ожидалась наша маленькая гостья. Мы с миссис Бреттон сидели одни в гостиной, дожидаясь ее приезда. Джон Грэм Бреттон гостил в это время у друга, живущего в деревне. Моя крестная читала вечернюю газету. Я шила. Ночь выдалась ненастная. По окнам хлестал дождь, ветер выл злобно и непрерывно.

— Бедная малютка, — то и дело повторяла миссис Бреттон. — Ну и погода для поездки! Хоть бы уж она поскорее оказалась здесь.

Около десяти часов дверной колокольчик возвестил о возвращении Уоррена. Едва дверь открыли, я сбежала по лестнице в холл. Там стоял сундучок, несколько картонок, около них — молодая особа, похожая на няню, и у подножия лестницы стоял Уоррен, держа на руках комочек, закутанный в шаль.

— Это малышка? — спросила я.

— Да, мисс.

Я попыталась отвести край шали и взглянуть на ее лицо, но она поспешно отвернулась от меня и уткнулась в плечо Уоррена.

— Пожалуйста, поставьте меня на пол, — произнес тоненький голосок, когда Уоррен отворил дверь гостиной, — и уберите эту шаль, — продолжала говорившая, вытаскивая крошечной ручкой булавку, которой шаль была сколота, и с несколько брезгливой поспешностью избавляясь от неуклюжей накидки. Явившееся взорам существо попыталось было свернуть шаль, но она оказалась слишком большой и тяжелой для таких ручек.

— Отдайте ее Харриет, пожалуйста, — последовало указание. — Пусть она уберет.

Сказав это, девочка повернулась и устремила взгляд на миссис Бреттон.

— Подойди ко мне, милая, — сказала та. — Дай-ка я посмотрю, не замерзла и не промокла ли ты. Иди сюда. У огня ты согреешься.

Малышка послушно приблизилась. Освобожденная от накидки, ее фигурка оказалась совсем миниатюрной, но это была аккуратная, безупречно сложенная фигурка, легкая, хрупкая и стройная. В просторных объятиях моей крестной она выглядела совершеннейшей куклой; ее шейка, тоненькая и хрупкая, словно вылепленная из воска, и шелковистые локоны увеличивали это сходство.

Миссис Бреттон, растирая и согревая руки и ноги девочки, обращала к ней короткие, ласковые фразы; поначалу ответом был внимательный, печальный взгляд, но вскоре лицо девочки отозвалось улыбкой. Обычно миссис Бреттон была не склонна к проявлениям ласки: даже со своим горячо любимым сыном она редко позволяла себе сентиментальность, чаще придерживалась противоположной манеры, но, когда маленькая незнакомка улыбнулась ей, она поцеловала девочку и спросила:

— Как зовут мою малышку?

— Мисс.

— А кроме «мисс»?

— Полли. Так папа меня зовет.

— Полли будет рада жить у меня?

— Если не навсегда. Только пока папа не вернется домой. Папа уехал.

Она выразительно покачала головой.

— Он вернется к своей Полли или придет за ней.

— Вернется, сударыня? Вы точно знаете, что вернется?

— Я так думаю.

— А Харриет думает, что нет. Или что только очень нескоро. Он болеет.

Ее глаза наполнились слезами. Она высвободила маленькую руку из руки миссис Бреттон и попыталась слезть с ее колен. Та сделала попытку удержать девочку, но она сказала:

— Пожалуйста, можно мне слезть? Я могу посидеть на скамейке.

Ей было позволено слезть с колен, и, взяв скамеечку, она отнесла ее в затененный угол, где и села. Миссис Бреттон, хотя обычно была склонна ожидать — а в серьезных делах даже требовать — послушания, редко проявляла настойчивость в мелочах: она позволила малышке поступить по-своему. Мне она сказала: «Не обращай пока внимания». Но я все же обратила внимание: я видела, как Полли оперлась локотком о свое маленькое колено, опустив голову на руку; я наблюдала, как она вытянула крохотный носовой платочек из кукольного кармашка своей кукольной юбочки, а потом услышала, что она плачет. Другие дети — от боли или обиды — громко режут, не стыдясь и не сдерживаясь, но эта крошка плакала тихо: лишь едва различимые всхлипывания выдавали ее. Миссис Бреттон их не слышала, что, пожалуй, было к лучшему. Через некоторое время голосок из угла потребовал:

— Пожалуйста, пусть позвонят, чтобы пришла Харриет!

Я позвонила, няню позвали, и она пришла.

— Харриет, меня пора уложить в постель, — сказала ей маленькая госпожа. — Тебе надо спросить, где моя кровать.

Харриет ответила, что уже все узнала.

— Спроси, будешь ли ты спать вместе со мной, Харриет.

— Нет, мисс. Вы будете спать в одной комнате с этой молодой леди, — сказала няня, указывая на меня.

Мисс осталась сидеть на месте, но я почувствовала на себе ее изучающий взгляд.

— Я желаю вам, сударыня, спокойной ночи, — сказала она миссис Бреттон, но мимо меня прошла молча.

— Спокойной ночи, Полли, — сказала я.

— Не надо говорить «спокойной ночи», раз мы спим в одной и той же комнате, — последовал ответ, с которым она удалилась из гостиной. Мы слышали, как Харриет предлагала отнести ее вверх по лестнице на руках. «Не надо», — вновь и вновь повторяла Полли, коротенькими шажками одолевая ступеньки. Часом позже отправившись спать, я обнаружила, что она все еще не уснула. Она сидела в постели, устроившись так, чтобы подушки поддерживали ее маленькое тельце в сидячем положении. Руки — одна поверх другой — с недетской неподвижностью лежали на простыне. Некоторое время я воздерживалась обращаться к ней, но, прежде чем погасить свет, посоветовала ей лечь.

— Немного погода, — последовал ответ.

— Но ты ведь простудишься, мисс.

Она взяла какой-то мелкий предмет одежды со стула и прикрыла им плечи. Я предоставила ей поступать по своему. Между тем, прислушиваясь в темноте, я понимала, что она все еще плачет — плачет, сдерживаясь, тихо и осторожно.

Проснувшись на рассвете, я услышала плеск воды. Подумать только — она уже поднялась и, взобравшись перед умывальником на табурет, с натугой едва наклоняла тяжелый, неподъемный для нее кувшин, чтобы налить воды в таз. Любопытно было наблюдать, как она одевается, маленькая, деловитая и бесшумная. Она явно была мало привычна совершать собственный туалет, и все эти пуговицы, тесемки, крючки и петли представляли для нее затруднения, которые она преодолевала с похвальной стар-

тельностью. Она сложила ночную рубашку, вполне опрятно расправила занавеси своей кровати и, удалившись в угол, где белая штора скрыла ее, затихла. Я привстала и повернула голову, стараясь рассмотреть, чем она занята. Видя, что она стоит на коленях, склонив лицо в ладони, я поняла, что она молится.

В дверь постучала няня. Малышка поспешила заговорить первой.

— Я одета, Харриет, — сказала она. — Я оделась сама, но я не чувствую себя опрятной. Сделай, чтобы я была опрятная.

— Зачем вы одевались сами, мисс?

— Ш-ш, говори тихо, Харриет, а то разбудишь *девочку*. — Речь шла обо мне, потому что сейчас я лежала, закрыв глаза. — Я оделась сама, чтобы научиться к тому времени, когда ты меня здесь оставишь.

— А вам хочется, чтобы я уехала?

— Когда ты на меня сердисься, я хочу, чтобы ты уехала, а сейчас — нет. Завяжи мой пояс ровно; и пригладь мне волосы, пожалуйста.

— Пояс ваш и так ровно сидит. Экая вы, право, маленькая привередница!

— Его надо перевязать заново. Пожалуйста, перевяжи.

— Ну вот, перевязала. Когда я уеду, вам надо будет попросить эту молодую леди, чтобы она одевала вас.

— Ни за что.

— Это почему? Она очень милая молодая леди. Я надеюсь, вы будете хорошо вести себя с нею и не выказывать свой характер.

— Она не будет меня одевать, ни в коем случае.

— Смешная вы малышка!

— Ты неровно ведешь гребень по волосам, Харриет: пробор будет кривой.

— На вас не угодишь. А вот так лучше?

— Ну, так хорошо. Куда мне теперь идти, раз я уже оделась?

— Я поведу вас завтракать.

— Тогда пошли.

Они направились к двери. Девочка остановилась.

— О, Харриет, как бы я хотела остаться в папином доме! Я совсем не знаю этих людей.

— Будьте хорошей девочкой, мисс.

— Я и так хорошая, только у меня болит вот здесь, — сказала она, прикладывая руку к сердцу, и простонала: — Папа, папа!

Я приподнялась и села на постели, желая прекратить эту сцену, пока она не вышла из разумных границ.

— Пожелайте доброго утра молодой леди, — сказала Харриет.

— Доброе утро, — сказала девочка и вышла из комнаты вслед за няней. В тот же день Харриет ненадолго уехала навестить своих друзей, живших неподалеку.

Спустившись к завтраку, я увидела, что Полина (девочка называла себя Полли, но полное ее имя было Полина Мэри) сидит за столом рядом с миссис Бреттон, перед ней стоит кружка молока, ее ручка с крошечным кусочком хлеба безвольно лежит на скатерти и она не ест.

— Не знаю, — сказала мне миссис Бреттон, — как мы сможем приручить это маленькое создание: она ни к чему не притронулась и, судя по ее виду, совсем не спала.

Я выразила надежду на воздействие времени и доброты.

— Если бы она привязалась к кому-нибудь в доме, она бы скоро прижилась. Но не раньше, — ответила миссис Бреттон.

Глава 2 ПОЛИНА

Прошло несколько дней, и было не похоже, чтобы она ощутила особое расположение хотя бы к кому-нибудь из обитателей дома.

Не то чтобы она была дерзка или своевольна: она вообще не проявляла непослушания, но существо, менее способствующее, чем она, безмятежному — даже просто спокойному — душевному настрою, едва ли можно было

бы сыскать. Она тосковала: ни один взрослый человек не сумел бы выразить лучше это безрадостное состояние; никогда изборожденное глубокими морщинами лицо взрослого изгнанника, тоскующего по Европе среди антиподов, не могло бы нести на себе более явных следов тоски по дому, чем ее детское личико. Она казалась неестественно рано повзрослевшей и чуждой этому миру. Я, Люси Сноу, решительно заявляю, что не грешу чересчур богатым воображением, но всякий раз, открывая дверь нашей комнаты, я видела, как она одиноко сидит в уголке, подпирая голову крохотной ручкой, и тогда комната представлялась мне не обитаемой людьми, а посещаемой призраками.

И еще — когда, просыпаясь лунными ночами и отчетливо видя коленопреклоненную на постели фигурку в белой ночной рубашке, истово молящуюся, словно ревностный католик или восторженный методист — не то малолетний фанатик, не то вневременный святой, я едва ли отдавала себе отчет в собственных тогдашних мыслях, но им грозила опасность оказаться не более разумными и здоровыми, чем у этого ребенка.

Мне редко удавалось уловить хоть слово из ее молитв — так тихо она их шептала, а порой даже и вовсе не шептала, произнося про себя, а те немногие фразы, что достигали моего слуха, несли в себе неизменный скорбный призыв: «Папа, мой дорогой папа!» Она, как я поняла, была по природе своей сосредоточена на одной мысли, что указывало на маниакальную склонность, которая всегда была в моих глазах тягчайшим несчастьем, какое только может выпасть человеку на долю. Можно лишь строить предположения, чем могло окончиться это постоянное беспокойство, продлись оно подольше. Дело, однако, приняло неожиданный оборот.

Как-то раз днем миссис Бреттон сумела выманить ее из обычного убежища в уголке, усадила у окна и, чтобы занять ее внимание, предложила ей понаблюдать за прохожими и сосчитать, сколько дам пройдет по улице за

определенное время. Она сидела безучастно, почти не глядя на улицу и не пытаясь считать, когда, следя за ее взглядом, я увидела, как дрогнули и расширились ее зрачки. Эти внезапные, непредсказуемые натуры — *тонко чувствующие*, как их называют, — могут предложить немало любопытных наблюдений для тех, кого более спокойный темперамент ограждает от причастности к их неловким странностям. Застывший, тяжелый взгляд девочки ожил, дрогнул и ярко вспыхнул; маленький нахмуренный лоб разгладился, унылое, отчужденное личико просияло, его обычное печальное выражение исчезло, мгновенно сменившись нетерпеливым, страстным ожиданием. «Это — взаправду!» — вырвалось у нее.

С быстротой птицы, стрелы или чего-то иного, столь же стремительного, она исчезла из комнаты. Как она сумела открыть входную дверь — сказать не могу: то ли дверь оказалась открытой, то ли Уоррен повстречался ей на пути и повиновался ее требованию, оказавшемуся достаточно категоричным. Я, спокойно наблюдая из окна, видела, как она в своем черном платье и крошечном, обшитом тесьмой передничке (фартуков она не признавала) пробежала половину улицы и, едва я приготовилась обернуться и тихо сообщить миссис Бреттон, что девочка унеслась на улицу, как сумасшедшая, и ее надо немедленно догнать, как увидела, что ее подхватили, мгновенно укрыв от моего невозмутимого наблюдения и от недоумевающих взглядов прохожих. Джентльмен, совершивший этот добрый поступок, сейчас, прикрывая ее своим плащом, приближался с нею к дому, из которого — на глазах у него — она выбежала.

Я полагала, что он оставит ее на попечение слуг и удалится, но он вошел в дом и, слегка помедлив внизу, поднялся наверх.

По тому, как его приняли, сразу же стало очевидно, что он известен миссис Бреттон. Она узнала его и встретила приветливо — однако была явно выбита из колеи, удивлена и застигнута врасплох. Ее вид и манера поведе-

ния выражали укор, и скорее в ответ на это, чем на ее слова, он сказал:

— Я не смог поступить иначе, сударыня, — я чувствовал, что не в силах уехать из страны, не увидев собственными глазами, как она тут устроилась.

— Но вы только растрожите ее.

— Надеюсь, что нет. Ну, как поживает папина малютка Полли?

Вопрос был обращен к Полине, когда он сел и, бережно спустив ее на пол, поставил перед собой.

— А как поживает Поллин папа? — отозвалась она, опираясь на его колено и снизу вверх неотрывно глядя ему в лицо.

Сцена эта не была ни бурной, ни многословной, и за это я ощущала благодарность, но она наполнилась до краев слишком напряженным чувством, и чувство это — именно оттого, что чаша его не пенилась буйно и оно не выплескивалось яростно через край, — еще более подавляло вас. При всяческих проявлениях страстной, безудержной экспансивности утомленный наблюдатель находит облегчение в презрительном или насмешливом чувстве, тогда как мне всегда казалось особенно тяжело бремя той чувствительности, что склоняется перед собственной волей, как плененный великан под властью разума.

У мистера Хоума были суровые, пожалуй, правильное будет сказать, резкие черты лица: шишковатый лоб, выдающиеся, четко очерченные скулы. Типично шотландское лицо, но в чертах его сейчас отражалось волнение, а в глазах светилось глубокое чувство. Северный выговор вполне гармонировал с его обликом, в котором гордость соседствовала с простодушием.

Он положил руку на поднятую к нему детскую головку. Малышка сказала:

— Поцелуй Полли.

Он поцеловал ее. Мне захотелось, чтобы она как-нибудь истерически вскрикнула, чтобы я смогла испытать облегчение и успокоиться. Она издала поразительно тихий звук: казалось, она получила то, что хотела, — *все*, что

хотела, и пребывает в полном блаженстве. Ни в чертах, ни в выражении лица это создание не имело сходства со своим родителем, и все же она была одной с ним породы: ее ум наполнился частью его ума, как чаша — от фляги.

Бесспорно, мистер Хоум отличался самообладанием, как и положено мужчине, однако порой он мог быть втайне чувствителен в некоторых обстоятельствах.

— Полли, — сказал он, взглянув на малышку, — пойдди в холл, там на стуле увидишь папино пальто, поищи в карманах — найдешь там носовой платок и принесешь его мне.

Она повиновалась, пошла и проворно вернулась. Когда она возвратилась, он разговаривал с миссис Бреттон, и Полли ждала, держа в руках платок. Это было по-своему занятное зрелище — наблюдать, как крохотная, легкая и опрятная фигурка стоит у его колена. Видя, что он продолжает разговор, по-видимому не замечая ее возвращения, она взяла его руку, расправила послушные пальцы, вложила в них носовой платок и согнула над ним пальцы, один за другим. Казалось, что он все еще не замечает ее и не ощущает ее присутствия, но вскоре он поднял ее к себе на колени, она уютно прислонилась к нему, и хотя они не смотрели друг на друга и не разговаривали, думаю, в течение всего следующего часа обоим было хорошо.

Во время чаепития, как обычно, было интересно наблюдать за всеми поступками и поведением малышки. Во-первых, она распорядилась, как Уоррену следует расставить стулья.

— Поставьте папин стул сюда, а мой — рядом с ним, между папой и миссис Бреттон: я должна подавать ему чай.

Она заняла свое место и поманила рукой отца:

— Сядь рядом со мной, папа, как будто мы дома.

И тут же, перехватив подаваемую ему чашку, сама размешивала в ней сахар и наливала молоко, говоря:

— Ведь я всегда делала это для тебя дома, папа: никто не умел делать это лучше, даже ты сам.

В продолжение всего чаепития она ухаживала за ним, и выглядело это весьма забавно. Щипцы для сахара не вмещались в ее ладонь, и ей приходилось удерживать их двумя руками, тяжесть серебряного сливочника, бутербродных тарелок да и просто чашки с блюдцем была ей почти не под силу, но она поднимала одно, передавала другое и, к счастью, ухитрилась ничего не разбить. Сказать по правде, мне она показалась слегка назойливой и суетливой, но ее отец, слепой, как и все родители, с явным удовольствием позволял ей ухаживать за собой и даже был в высшей степени убоготворен ее заботой.

— Она — мое истинное утешение! — не преминул он сказать миссис Бреттон. У нее было свое собственное «утешение», притом несравненно более крупное и в этот момент отсутствующее, потому она сочувственно отнеслась к его отцовской слабости.

Это второе «утешение» появилось на сцене вечером. Я знала, что его возвращение назначено на этот день, и чувствовала, с каким нетерпением миссис Бреттон ждет его час за часом. Мы сидели вокруг камина после чая, когда Грэм присоединился к нашему кружку — вернее, следовало бы сказать, ворвался в наш кружок, так как его появление, конечно, вызвало суматоху; а затем, поскольку мистер Грэм проголодался, следовало накрыть для него стол к ужину. С мистером Хоумом они встретились, как старые приятели; маленькой девочки он, казалось, поначалу не заметил.

Покончив с едой и ответив на многочисленные вопросы матери, он перешел от стола к камину. Напротив того места, где он расположился, сидел мистер Хоум и сбоку от него — ребенок. Говоря «ребенок», я использую неточное и невыразительное слово, которое предполагает иной образ, нежели серьезную маленькую особу в траурном платье с белой кружевной вставкой (которое пришлось бы как раз впору большой кукле). Эта юная особа пристроилась сейчас на высоком стуле около этажерки, где стояла ее рабочая шкатулка белого лакированного дерева, держала в руках крошечный лоскуток ткани, предназначенный для носового платка, подшиванием кото-

рого она была занята, и, упорно буравя его иглой, казавшейся в ее ручке чуть ли не шампуром, то и дело колола себе пальцы, оставляя на батисте дорожку из крошечных красных точек, время от времени вздрагивая, когда непокорное оружие наносило уколы глубже обычных; но все это она проделывала молча, старательно, увлеченно, истинно по-женски.

Грэм был в то время красивым, ветреного вида юношей шестнадцати лет. Я говорю «ветреного» не оттого, что он на самом деле отличался большим непостоянством, а потому, что такой эпитет кажется мне очень уместным для описания типично кельтской (не саксонской) привлекательности: Грэм, с его волнистыми каштановыми волосами, гибкостью и стройностью, был улыбчив и не обделен ни обаянием, ни тонкой пронизательностью (отнюдь не в дурном смысле). В те дни он был капризным, избалованным юнцом со многими причудами.

— Мама, — сказал он после того, как несколько минут молча разглядывал сидящую перед ним маленькую фигурку, когда временное отсутствие в комнате мистера Хоума избавило его от полусмешливой стеснительности (единственного знакомого ему проявления робости), — мама, я вижу, что в обществе присутствует молодая леди, которой я не был представлен.

— Я так понимаю, ты говоришь о малышке мистера Хоума, — сказала его мать.

— Право, сударыня, — ответил сын, — я нахожу ваш способ выражения недостаточно уважительным: я, несомненно, сказал бы «мисс Хоум», решившись заговорить об упомянутой мною благородной даме.

— Довольно, Грэм. Я не позволю дразнить ребенка. И не потерплю, чтобы ты делал из нее мишень для своих шуточек. Даже не думай.

— Мисс Хоум, — продолжал Грэм, нимало не смущенный материнским выговором, — могу ли я иметь честь представиться вам самостоятельно, поскольку никто иной, по-видимому, не желает оказать мне и вам эту услугу? Джон Грэм Бреттон, ваш покорный слуга.

Она подняла на него глаза, он встал и поклонился ей с чрезвычайной почтительностью. Она старательно сложила вместе наперсток, ножницы, свое рукоделие, осторожно спустилась со своего возвышения и, присев в реверансе, с неподражаемой серьезностью произнесла:

— Как вы поживаете?

— Я имею честь пребывать в добром здравии и лишь в некоторой степени устал от быстрой езды. Надеюсь, сударыня, я вижу и вас в добром здравии?

— В от-но-си-тель-но хо'ошем, — отважно выговорила маленькая женщина и сделала попытку вернуться на прежнее возвышение, но, видя, что для этого придется тянуться и карабкаться, недопустимо жертвуя приличиями, она, не желая прибегать к чьей-либо помощи в присутствии этого странного молодого джентльмена, отказалась от высокого стула ради низкого табурета, к которому Грэм тотчас придвинул свой стул.

— Я надеюсь, сударыня, что нынешнее место вашего пребывания — дом моей матушки — представляется вам удобным жилищем?

— Не чьезмелно. Я хочу домой.

— Естественное и похвальное желание, сударыня, однако такое, которому я всеми силами постараюсь воспротивиться. Я рассчитываю, что сумею извлечь из вашего присутствия немного того бесценного блага, которое зовется развлечением и которого моя мама и госпожа Сноу мне предоставить не могут.

— Я скоро должна буду уехать с папой: я недолго буду жить у вашей мамы.

— Нет-нет; вы, конечно же, будете жить у меня. У меня есть пони, на котором вы будете кататься, и великое множество книжек с картинками, которые я вам буду показывать.

— *Вы* будете жить здесь теперь?

— Я. Вы довольны? Я нравлюсь вам?

— Нет.

— Почему?

— По-моему, вы ст'анный.

— Мое лицо странное, сударыня?

— И лицо, и все остальное. У вас длинные рыжие волосы.

— Каштановые волосы, с вашего позволения: мама зовет их каштановыми или золотистыми, и так делают все ее друзья. Но даже при моих «длинных рыжих волосах», — (и он победоносно тряхнул своей желто-коричневой копной: он-то знал, какой у нее цвет — львиной гривы), — я никак не могу быть более странным, чем ваша милость.

— Вы называете меня ст'анной?

— Конечно.

Последовало короткое молчание.

— Я думаю, мне надо идти спать.

— Такой малютке, как вы, следовало бы уже давно быть в постели, но вы, должно быть, не ложились, дожидаясь моего приезда.

— Конечно нет.

— Вы, разумеется, хотели испытать удовольствие общения со мной. Вы знали, что я приезжаю домой, и ждали возможности посмотреть на меня.

— Я ждала папу, а не вас.

— Очень хорошо, мисс Хоум. Я стану вашим любимцем: уверен — скоро вы будете предпочитать меня своему папе.

Она пожелала миссис Бреттон и мне спокойной ночи и, по-видимому, не могла решить, заслуживает ли такого же внимания и Грэм, когда он вдруг подхватил ее одной рукой и на этой одной руке поднял у себя над головой. Оказавшись поднятой на такую высоту, она увидела свое отражение в зеркале над камином. Внезапность, вольность и неуважительность этого поступка были чрезвычайны.

— Как вам не стыдно, мистер Г'эм! — возмущенно вскричала она. — Сейчас же поставьте меня на пол! — И, снова став на ноги, продолжала: — Интересно, что бы вы подумали обо мне, если бы я так обошлась с вами — подняла бы вас одной рукой, — (при этих словах она вытянула вверх упомянутую свою мощную руку), — как Уоррен поднимает котенка?

С этими словами она удалилась.

Глава 3 ПРИЯТЕЛИ

Мистер Хоум остался на два дня. За все время своего визита он ни разу не вышел из дому, весь день просиживая у камина, порой молча, порой слушая миссис Бреттон и участвуя в разговоре. Это были беседы самого подходящего свойства для мужчины в подавленном настроении: не чрезмерно сочувственные, но и не слишком отчужденные — благоразумные и даже с несколько материнским оттенком: она была старше его ровно настолько, чтобы позволить себе такой тон.

Что касается Полины, малышка была одновременно счастлива и молчалива, занята и внимательна. Отец часто сажал ее к себе на колени. Она сидела, пока не начала чувствовать — или ей не начинало казаться, — что он обеспокоен чем-то, и тогда она говорила: «Папа, снимите меня; я тяжелая — ты устанешь».

И это тяжелое бремя соскальзывало на пол и устраивалось на ковре или на скамеечке у папиных ног, и на сцене появлялись белая рабочая шкатулка и испещренный алыми пятнышками носовой платок. Платок, по-видимому, был задуман как подарок на память «для папы», и его следовало закончить к отъезду, а это предъявляло трудолюбию швеи (она успевала сделать около двух десятков стежков за полчаса) строгие требования.

Вечер, возвращая Грэма под материнский кров (дни он проводил в школе), вносил в нашу жизнь оживление, которому немало способствовали сценки, почти неукоснительно разыгрывавшиеся между ним и мисс Полиной.

Следствием оскорбительного обращения, которому она подверглась в первый вечер по его приезде, стало отчужденное и надменное поведение с ее стороны: когда он заговаривал с ней, ее обычный ответ был:

— Я не могу уделить вам внимания. Мне надо думать о д'угих вещах. — Ответ на нижайшую просьбу сообщить, *какие* это вещи, был: «Дело».

Грэм пытался привлечь ее внимание, открывая ящики своего письменного стола и намеренно выставляя на-

показ его многообразное содержимое: печатки, яркие палочки воска, перочинные ножики — вместе с собраниями гравюр, порой ярко раскрашенных, которые он время от времени собирал. Это сильное искушение не оставалось совершенно безрезультатным: она, украдкой отрываясь от рукоделия, не раз бросала беглые взгляды в сторону письменного стола с раскиданными по нему картинками. Одна из них, на которой была изображена девочка, играющая со спаниелем, случайно спорхнула на пол.

— Славная собачка! — сказала восхищенная Полли.

Грэм благоразумно не отозвался на эти слова. Вскоре, тихо выбравшись из своего уголка, она приблизилась, чтобы получше рассмотреть это сокровище. Большие глаза и длинные уши собаки, как и шляпка с перьями у девочки, были неотразимы.

— Хорошая картинка! — был ее благосклонный отзыв.

— Ну что ж. Можете взять ее себе, — сказал Грэм.

Казалось, она колеблется. Желание обладать сокровищем было сильно, но принять подарок означало бы поступиться чувством собственного достоинства. Нет. Она положила картинку и отвернулась.

— Так вы не возьмете ее, Полли?

— Спасибо. Пожалуй, нет.

— Сказать вам, что я сделаю с картинкой, если вы от нее откажетесь?

Она полуобернулась на эти слова.

— Разрежу ее на полоски, чтобы зажигать свечку.

— Не надо!

— Разрежу.

— Пожалуйста, не надо!

Слыша ее жалобный голос, Грэм сделался неумолим. Он вынул ножницы из материнской рабочей шкатулки.

— Приступаем! — провозгласил он, угрожающе взмахивая ножницами. — Режем прямо через голову Фидо и разрезаем пополам нос малютки Харви.

— Нет! *Нет!* НЕТ!

— Тогда подойдите ко мне. Подойдите быстро — или я так и сделаю.

Она поколебалась, помедлила, но послушалась.

— Так как же, возьмете? Отдать ее вам?

— Пожалуйста.

— Но мне надо заплатить.

— Сколько?

— Поцелуй.

— Сначала дайте картинку мне в руки.

Полли, говоря это, имела, в свою очередь, весьма недоверчивый вид. Грэм отдал картинку. Она сбежала от уплаты долга, кинулась к отцу и нашла убежище у него на коленях. Грэм поднялся и с гневной гримасой последовал за ней. Она зарылась лицом в жилет мистера Хоума.

— Папа, папа, отошли его прочь!

— Никто не отошлет меня прочь, — объявил Грэм.

Не поворачивая лица, она выставила навстречу руку, обороняясь от него.

— Тогда я поцелую руку, — сказал он, но в этот момент ручка превратилась в крошечный кулачок и внесла ему плату в мелкой монете, которая отнюдь не была поцелуем.

Грэм, по-своему не отстававший в коварстве от своей маленькой партнерши по игре, отступил, по всей видимости потерпев поражение, и, повалившись на диван, откинувшись головой на подушку, лежал, как человек, испытывающий сильнейшую боль. Полли, обнаружив, что он молчит, наконец решилась взглянуть на него. Сидя на коленях у отца, она обернулась и тревожно и долго смотрела на своего недруга. Грэм простонал.

— Папа, что случилось? — прошептала она.

— Тебе бы лучше спросить у него, Полли.

— Ему больно?

(Снова раздался стон.)

— Судя по звуку, да, — сказал мистер Хоум.

— Мама, — слабым голосом позвал Грэм, — я думаю, лучше бы послать за доктором. Ох, мой глаз!

(Опять наступило молчание, прерываемое лишь вздохами Грэма.)

— Что, если я останусь слепым? — предположил он.

Его обидчица не смогла вынести этого предположения. Она мгновенно оказалась возле него.

— Дайте мне посмотреть на ваш глаз. Я не собиралась к нему прикасаться. Я хотела ударить только по губам, и я не думала, что ударила *так* сильно!

Молчание было ей ответом. Лицо ее задрожало.

— Простите меня, простите!

Потом последовал взрыв чувств, бессвязных слов, слез.

— Прекрати мучить ребенка, Грэм, — сказала миссис Бреттон.

— Это все вздор, детка, — сказал мистер Хоум.

И Грэм снова подхватил ее на руки и вскинул вверх, и снова она отбивалась от него и, дергая его львиную гриву, называла «самым скверным, самым грубым, самым худшим, самым лживым из всех людей».

В то утро, когда мистер Хоум уезжал, у него с дочерью состоялся в нише у окна разговор наедине. Я слышала часть его.

— Можно я уложу свои вещи и поеду с тобой, папа? — шепотом серьезно спросила она.

Он отрицательно покачал головой.

— Тебе было бы трудно там со мной?

— Да, Полли.

— Потому что я маленькая?

— Потому, что ты маленькая и слабая. Путешествовать должны только большие и сильные люди. Но не грусти, моя малышка, — это разбивает мне сердце. Папа скоро вернется к своей Полли.

— Конечно, конечно. Я не грущу, почти совсем не грущу.

— Полли было бы жаль сделать папе больно, ведь правда?

— Ужасно жаль.

— Тогда Полли должна быть веселой: не плакать, когда будем прощаться, и не тревожиться потом. Она должна ждать, когда мы увидимся снова, и стараться быть веселой до тех пор. Сумеет она это сделать?

— Она постарается.
— Я вижу, что сумеет. Тогда прощай. Пора отправляться.

— Сейчас? Прямо *сейчас*?

— Прямо сейчас.

Она сжала дрожащие губы. Ее отец прослезился, но она (я заметила это) — нет. Опустив ее на пол, он пожал руки всем остальным и отправился в путь. Когда внизу закрылась входная дверь, она упала на колени около стула с восклицанием: «Папа!»

Оно было негромко и протяжно, своего рода «для чего Ты меня оставил?»¹. В последовавшие несколько мгновений я поняла, что она испытывает смертную муку. Она прошла в тот краткий промежуток своей младенческой жизни через такие чувства, каких некоторые не испытывают никогда; это было заложено в ее природе: если ей суждено жить, в ее жизни будет еще больше таких моментов. Все молчали. Миссис Бреттон, будучи матерью, всплакнула. Грэм, оторвав взгляд от того, что он писал, пристально смотрел на нее. Я, Люси Сноу, была спокойна.

Это маленькое создание, таким образом никем не тревожимое, сделало для себя то, чего никто другой не сумел бы для нее сделать, — она смирилась с непереносимым чувством и вскоре до некоторой степени подавила его. В тот день и в следующий она ни от кого не принимала утешения; после этого она стала покорнее.

На третий вечер, когда она сидела на полу, измученная и тихая, Грэм, войдя в комнату, осторожно поднял ее на руки, не говоря ни слова. Она не противилась, напротив — молча, устало и уютно устроилась у него на руках. Когда он сел, она прислонилась к нему головой и через несколько минут уже спала. Он отнес ее наверх, в постель. Я не удивилась, когда на следующее утро она первым делом требовательно спросила: «А где мистер Грэм?»

Случилось так, что Грэма не было за завтраком: ему нужно было написать какие-то упражнения к утренне-

¹ Мф., 27: 6.

му занятию, и он попросил у матери послать ему чашку чая в кабинет. Полли вызвалась отнести ее: ей непременно нужно было чем-то заниматься, за кем-то ухаживать. Чашка была ей доверена: чрезмерно хлопотливая, она была при этом старательна. Поскольку кабинет находился дверь в дверь напротив утренней столовой, я провожала ее взглядом.

— Что вы делаете? — спросила она, останавливаясь на пороге.

— Пишу, — отвечал Грэм.

— Почему вы не приходите завтракать со своей мамой?

— Слишком занят.

— А вы хотите позавтракать?

— Конечно.

— Тогда — вот.

И она поставила чашку на ковер, как тюремщик ставит узнику кувшин с водой через дверную решетку, и ушла. Но тут же вернулась.

— А кроме чая? Что вы будете есть?

— Что-нибудь вкусное. Принеси мне что-нибудь особенно вкусное — будь добра.

Она возвратилась к миссис Бреттон.

— Пожалуйста, сударыня, пошлите для вашего сына что-нибудь вкусное.

— Выбери ты для него, Полли. Что хочет мой сын?

Она отобрала понемногу всего лучшего из того, что было на столе, и вскоре пришла опять — шепотом попросить апельсинового джема, которого на столе не было. Получив его (миссис Бреттон ни в чем не могла отказать этим двоим), Грэм вскоре во всеуслышание расхваливал Полли до небес, обещая, что, когда у него будет собственный дом, она станет его домоправительницей, и может быть, если проявит какие-нибудь кулинарные таланты, то и кухаркой; а когда она не вернулась за стол и я пошла искать ее, то обнаружила, что они с Грэмом завтракают *tête-à-tête* — она, стоя сбоку от него и разделяя с ним его завтрак, за исключением апельсинового джема, к которо-

му тактично отказывалась притронуться, чтобы — я полагаю — не получалось так, будто бы она добывала его столько же для себя, сколько для него. Она постоянно обнаруживала это тонкое понимание и природную деликатность.

Возникшее таким образом сближение между ними не распалось через короткое время — напротив: казалось, что время и обстоятельства скорее способствуют не ослаблению, а усилению его. При всех различиях возраста, пола, интересов и прочего у этих двоих каким-то образом находилось много общих тем для бесед. Что до Полины, то характер малышки, по моим наблюдениям, никогда не проявлялся вполне, кроме как в общении с юным Бреттоном. Когда она привыкла к дому и прижилась в нем, она оказалась вполне сговорчивой и послушной в своих отношениях с миссис Бреттон, но обычно просиживала весь день на скамеечке у ног этой дамы за выполнением своего урока, за шитьем или рисуя фигурки на грифельной доске, никогда и ни в чем не выказывая своеобразия, ничем не обнаруживая необычности своей натуры. В таких случаях я переставала наблюдать за ней — она не представляла интереса. Но по вечерам, стоило вернувшемуся домой Грэму постучать в дверь, совершалась перемена. Девочка мгновенно оказывалась на верхней ступеньке лестницы. Обычно ее приветствием были выговор или угроза.

— Вы не вытерли как следует ноги о коврик. Я скажу вашей маме.

— Маленькая ябеда. Ты уже здесь?

— Да, и вам меня не достать: я выше вас. — (Лицо ее выглядывало между балясинами — рост не позволял ей смотреть поверх перил.)

— Полли!

— Мой дорогой мальчик! — (Таково было одно из ее обращений к нему, перенятое от его матери.)

— Я валюсь с ног от усталости, — объявлял Грэм, прислоняясь к стене с видом крайнего изнеможения. — Доктор Дигби — (директор школы) — совершенно измо-

тал меня дополнительной работой. Спустись сюда и помоги мне донести книги.

— А! Хитрый! Какой хитрюга!

— Вовсе нет, Полли, — это истинная правда. Я слаб, как тростинка. Спустись вниз.

— Глаза у вас спокойные, как у кота, но вы ведь наброситесь.

— Наброшусь? Ничего подобного: это не в моих привычках. Спустись.

— Может быть, я и спущусь... если только вы обещаете не трогать... не хватать меня и не кружить.

— Я? — (Падая на стул.) — Хватать и кружить? Да у меня сил не хватит!

— Тогда положите книги на нижнюю ступеньку и отойдите на десять шагов.

Когда требование выполнялось, она опасливо сходила по лестнице, не спуская глаз с обессилевшего Грэма. Разумеется, ее приближение всякий раз пробуждало его заново к судорогам жизни, за которыми неизбежно следовала шумная возня. Иногда она сердилась, а иногда все обходилось мирно, и тогда нам было слышно, как она говорит, ведя его наверх:

— А теперь, мой дорогой мальчик, пойдемте пить чай. Я считаю, вам непременно надо чего-нибудь поесть.

Весьма забавно было наблюдать, как она сидит рядом с Грэмом, пока он ест. Тихая и спокойная в его отсутствие, при нем она становилась самой назойливой, суетливой маленькой хлопотуньей, какую только можно вообразить. Мне часто хотелось, чтобы она была спокойнее и занималась своими собственными делами, но нет — она растворялась в нем: невозможно было бы ухаживать за ним старательнее, заботиться о нем преданнее; в ее представлении он не уступал значительностью турецкому владыке. Она неизменно, одно за другим придвигала к нему все блюда, стоящие на столе, и когда уже казалось, что все, чего он только может пожелать, стоит перед ним, выискивала что-нибудь еще.

— Сударыня, — тихонько обращалась она к миссис Бреттон, — может быть, вашему сыну захочется кекса —

знаете: сладкого кекса — там еще есть, — шептала она, указывая на буфет. Миссис Бреттон, как правило, не одобряла сладкие кексы к чаю, но просьба повторялась. — Один кусочек, только для него — он ведь ходит в школу. Девочкам — как мы с мисс Сноу — сладкое ни к чему, а ему было бы приятно.

Грэму и впрямь сладкое было очень приятно, и он почти всегда его получал. Справедливости ради следует сказать, что он с готовностью разделил бы свой приз с той, кому был им обязан, но это ему никогда не позволялось: настаивать — означало бы разрушить ее покой на весь вечер. Стоять, прислонившись к его колену, единолично завладев его разговором и вниманием, — вот какая ей была нужна награда, а не ее доля в куске кекса.

Любопытно было, с какой готовностью она применилась к темам, интересовавшим его. Можно было подумать, что у нее нет ни собственного разума, ни собственной жизни, но она непременно должна жить, двигаться и существовать в другом человеке; теперь, когда у нее был отнят отец, она прильнула к Грэму и, казалось, чувствовала его чувствами, жила его жизнью. Она мгновенно выучила имена всех его соучеников, она наизусть запомнила их характеры с его слов: достаточно было один раз описать человека. Она никогда не забывала и не путала их друг с другом и могла говорить с ним целый вечер о людях, которых ни разу не видела, но при этом, казалось, отчетливо представляла себе вид, манеры и нрав каждого. Некоторых она научилась передразнивать — например, у помощника учителя, которого терпеть не мог юный Бреттон, были, видимо, какие-то особенности, моментально уловленные ею во время рассказа Грэма и представленные ею, чтобы его позабавить. Это, однако, не встретило одобрения у миссис Бреттон и впредь было ею запрещено.

Эти двое редко ссорились; но однажды между ними случился разлад, в котором чувствам Полли был нанесен жестокий удар.

Грэм, по случаю своего дня рождения, пригласил к себе нескольких друзей — мальчиков одного с ним возрас-

та — к обеду. Полина испытывала большой интерес к приходу этих друзей; она часто слышала о них — они были из числа тех, о ком Грэм чаще всего рассказывал. После обеда молодые джентльмены, предоставленные самим себе, оставались в столовой, где они вскоре чрезвычайно развеселились и подняли великий шум. Случайно проходя через холл, я обнаружила Полину, одиноко сидящую на нижней ступеньке лестницы, устремив взгляд на дверь столовой, в глянце которой отражался свет горящей в холле лампы. Лобик ее был нахмурен в тревожном размышлении.

— О чем ты думаешь, Полли?

— Да так, ни о чем особенно; просто я бы хотела, чтобы дверь была с прозрачными стеклами и через них можно было бы смотреть. Похоже, что мальчикам очень весело, и мне хочется пойти туда к ним: я хочу побыть с Грэмом и посмотреть на его друзей.

— А что тебе мешает туда войти?

— Я боюсь. Но, может быть, я попробую — как вы думаете? Могу я постучать в дверь и попросить, чтобы меня впустили?

Я подумала, что они, быть может, не будут против ее участия в их веселье, и потому поощрила ее к этой попытке.

Она постучалась — в первый раз слишком тихо, но со второго раза — дверь приотворилась и высунулась голова Грэма: он был в прекрасном настроении, но ему явно было не до нее.

— Что тебе, мартышка?

— Я хочу к вам.

— Да что ты говоришь! Ну уж нет, не хватало мне возиться с тобой! Ступай к маме и к мисс Сноу и скажи им, чтобы тебя уложили спать. — Каштановые кудри и раскрасневшееся лицо исчезли за захлопнувшейся дверью. Полли была ошеломлена.

— Почему он так говорил со мной? Он никогда раньше так не разговаривал, — в ужасе сказала она. — Что я такого сделала?

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1. Бреттон	5
Глава 2. Полина	13
Глава 3. Приятели	22
Глава 4. Мисс Марчмонт	42
Глава 5. Новая страница	52
Глава 6. Лондон	58
Глава 7. Городок	73
Глава 8. Мадам Бек	85
Глава 9. Исидор	103
Глава 10. Доктор Джон	118
Глава 11. Комната привратницы	127
Глава 12. Шкатулка	135
Глава 13. Чих не в сезон	149
Глава 14. Праздник	162
Глава 15. Долгие каникулы	198

ЧАСТЬ 2

Глава 16. Дружба прежних дней	215
Глава 17. «Терраса»	233
Глава 18. Ссора	245
Глава 19. Клеопатра	254
Глава 20. Концерт	269
Глава 21. Отклик	295

Глава 22. Письмо	316
Глава 23. Вашти	328
Глава 24. Месье де Бассомпьер	344
Глава 25. Маленькая графиня	361
Глава 26. Похороны	377
Глава 27. Отель «Креси»	395

ЧАСТЬ 3

Глава 28. Шнурок для часов	416
Глава 29. Именины месье	431
Глава 30. Месье Поль	448
Глава 31. Дриада	462
Глава 32. Первое письмо	474
Глава 33. Месье Поль держит обещание	485
Глава 34. Малеволла	495
Глава 35. Братские узы	510
Глава 36. Яблоко раздора	526
Глава 37. Солнечный свет	543
Глава 38. Туча	562
Глава 39. Старые и новые знакомства	591
Глава 40. Счастливая чета	604
Глава 41. Предместье Клотильды	612
Глава 42. Конец	630